

Но теперь стало гораздо спокойнее. Хотя за весь день на лице у него не появлялось улыбки, он перестал устраивать истерики, ел всё, что давали, и даже стал гораздо менее привередлив. Была лишь одна загвоздка — он целыми днями ходил вокруг да около и донимал Фу Цзюньяо вопросами: когда же наконец заживут ноги? Полезно ли много ходить и тренироваться? А если совсем никак, может, стоит побольше есть свиных ножек — лечиться подобным по принципу подобия? Что было ещё хуже, один и тот же вопрос он мог задать сотней разных способов, чуть не сведя господина Фу с ума.

К тому же возникло подозрение: свечи и бумага в комнате стали расходоваться всё быстрее.

И говорить нечего! Фу Конан, конечно, знал, чем тот занимается по ночам. Хе-хе, типичная мужская слабость, понять можно — небось тайком рисует эротические картинки? Раз уж он не хочет, чтобы кто-то об этом знал, я непременно должен застать его с поличным и посмотреть, как он будет оправдываться!

Ночь темна, ветер силен — самое время для убийств и поджогов. Ой, нет, самое время для того, чтобы прижать кого-то к ногтю.

Фу Цзюньяо, согнувшись в три погибели, крадучись подобрался к дверям комнаты Чэн Цзинсюаня. Тот был глазаст, поэтому Фу Цзюньяо не смел подходить слишком близко, наблюдал издалека. И точно: внутри горел свет, на окне отражалась тёмная фигура, рука с кистью порхала, выписывая причудливые узоры.

Фу Цзюньяо хихикнул и терпеливо стал ждать снаружи. Вскоре он увидел, что человек внутри погасил свечу, но торопиться не стал. Он простоял на улице, любуясь луной, ещё полчаса, и, убедившись, что тот уснул, тихонько толкнул дверь.

Старая деревянная дверь, которая должна была издать долгий скрип, была вовремя приглушена куском ткани, так что всё прошло бесшумно. Подумать только, если однажды он бросит медицину и пойдёт в вору, то станет настоящим мастером своего дела.

В комнате была непроглядная тьма. Фу Цзюньяо на ощупь добрался до стола, вытащил из рукава заранее приготовленный мешочек с фосфорным порошком. Слабый свет, который тот излучал, он прикрыл собственной спиной.

Кисти и тушь ещё не были убраны, поэтому Фу Цзюньяо помог ему их сложить, бросил мешочек с порошком прямо на бумагу и, прищурившись, всмотрелся. На листе были начертаны извилистые линии, похожие на овраги, совсем не похожие на письмена.

К сожалению, свет был слишком тусклым, и Фу Цзюньяо с трудом разобрал, что это карта. Чэн Цзинсюань отметил киноварью две красные точки: одну у подножия горы, другую — у горного источника.

— Что это за место? — пробормотал он себе под нос.

Раздался холодный голос:

— Тебе не обязательно знать.

Фу Цзюньяо от неожиданности подпрыгнул, вскочил и с грохотом опрокинул стул — звук был такой, что разбудил бы даже мёртвого. Он в испуге схватил мешочек с фосфором, обернулся и услышал тихий смешок. В слабом свете можно было разглядеть лишь оскал белых зубов.

— Привидение!!! — Фу Цзюньяо не выдержал и невольно издал вопль, чтобы выплеснуть свою мужскую энергию и попытаться отпугнуть нечисть.

Улыбка гостя исчезла. В крошечной тьме, даже если бы он повернулся и ушёл, Фу Цзюньяо ничего бы не увидел — лишь услышал шаги: то лёгкие, то тяжёлые, то медленные, то поспешные. Вскоре послышался щелчок огнива, и свет свечи разогнал тьму.

Фу Цзюньяо облегчённо выдохнул:

— Молодой господин, это вы.

Чэн Цзинсюань не спеша подошёл. Его шаги по-прежнему были неровными, но он двигался медленно и уверенно. Фу Цзюньяо только сейчас заметил, что тот без трости.

— Вы... ваши ноги зажили?!

Это был первый раз, когда Чэн Цзинсюань полностью выпрямился перед Фу Цзюньяо. Он слегка вскинул голову, приняв высокомерный вид, заставив Фу Цзюньяо смотреть прямо на свой подбородок:

— Зачем крадешься в моей комнате?

Фу Цзюньяо был одним из трёх самых высоких парней в Цзиньцзяне — его рост составлял метр восемьдесят два. Обычно он смотрел на всех свысока, и опыт смотреть кому-то в подбородок был для него в новинку. Получив такой удар по самолюбию, он выпрямился, но обнаружил, что всё ещё ниже Чэн Цзинсюаня.

Этот парень не меньше метра восьмидесяти пяти!

Чёрт! Я проиграл!

Фу Цзюньяо с досадой хмыкнул и начал нагло врать:

— Я увидел свет в комнате и подумал, что с твоими ногами что-то не так. Хотел войти и спасти тебя, а ты меня — в воры... Ну что, ноги зажили, я больше не нужен?

Чэн Цзинсюаню было неинтересно разоблачать его неуклюжую ложь. Он спокойно забрал со стола бумагу, аккуратно сложил её и спрятал к себе, не удостоив того ответом.

Фу Цзюньяо скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу, прислонился к столу, явно не собираясь уходить, и небрежно спросил:

— Что это за рисунки на бумаге?

— Убирайся.

Фу Цзюньяо расслабился, перенёс весь вес на стол, наклонил голову и, глядя на Чэн Цзинсюаня, поковырял в ухе:

— Что ты сказал? Я не расслышал.

Чэн Цзинсюань искоса взглянул на него, подошёл и схватил за воротник.

— Эй, ты чего!

Господин Фу запаниковал. Он было дёрнулся, но Чэн Цзинсюань другой рукой вцепился ему в плечо. Напрягши обе руки, он просто приподнял Фу Цзюньяо и не спеша выбросил его вон... вон... вон...

У порога всё той же обветшалой деревянной хижины Фу Цзюньяо, жуя травинку, присел между двумя пучками полыни высотой по пояс. Слева — покосившаяся дверь, справа — высунувший язык А-Хуан. Последние лучи заката падали на человека и собаку, создавая картину в духе одинокого старика, провожающего закат.

Неподалёку, неся высокую удочку, неровной походкой приближался мужчина. На нём были белоснежные одежды, пояс с синей каймой, подол — ослепительно белый. Фу Цзюньяо знал, что даже носки и нижнее бельё у него тоже белые.

Хм! Проклятый чистюля!

— О, вернулся с рыбалки? — язвительно бросил Фу Цзюньяо, протягивая миску с отваром.

— Подожди. — Чэн Цзинсюань обошёл его, аккуратно поставил удочку в угол, трижды вымыл руки до самых кончиков пальцев и лишь потом взял миску. Почувствовав прохладу на дне, он догадался, что человек, варивший лекарство, должно быть, долго ждал, и залпом выпил отвар.

— Лечебная ванна готова?

Фу Цзюньяо кивнул и повернулся за полотенцем, но Чэн Цзинсюань окликнул его:

— Не нужно.

— А? — Фу Цзюньяо запнулся и пробормотал себе под нос: — Опять брезгует, что я руки не помыл? А я вот не брезгую, хотя от него самого несёт землёй.

Чэн Цзинсюань отмахнулся:

— Нет, иди отдохни.

Сказав это, он медленными шагами подошёл к полотенцу, закрыл дверь и вежливо выставил Фу Цзюньяо вон.

Седьмой раз за этот месяц.

Фу Цзюньяо закатил глаза, уселся у порога и продолжил играть с А-Хуаном в гляделки. Чем больше он думал, тем больше злился:

— Чёрт, этот господин Чэн, как только смог ходить, сразу крылья расправил, даже меня больше не зовёт.

Без поручений господина Чэна младший брат Фу снова стал господином Фу. Казалось бы, хорошо, но он больше не чувствовал той гордости, когда приходилось быть и костылём, и нянькой. Внезапно стало как-то пусто. Он насильно повернул морду А-Хуана к себе, почесал его, заискивающе спрашивая:

— А-Хуан, скажи, он что, презирает меня?

Презирает ли его Чэн Цзинсюань — неизвестно, но А-Хуан точно презирал. Он недовольно твякнул, мотнул головой, вырываясь из рук, и, задрвав хвост кверху, отвернулся, лениво греясь на солнце.

— Хм, неблагодарная собака, — проворчал Фу Цзюньяо, тыча пальцем в браслет созвездий: — Эй, Система, что происходит? Он не даёт мне шанса позаботиться о нём, как тогда повышать уровень симпатии?

Раздался сухой электронный голос:

— Я лишь Система, выдающая задания. Как их выполнять — решать самому Хозяину.

Такое перекладывание ответственности господин Фу не принял:

— Но ты же не можешь не дать хоть какой-то подсказки?

Электронный голос ответил четырьмя безжалостными словами:

— Ничем не могу помочь.

Фу Цзюньяо хитро повёл глазами, тут же растянул губы в улыбке и легонько постучал по браслету:

— Братец Система, ну дай хоть маленькую подсказку. Подумай сам: если задание не будет выполнено, я не только не смогу уйти, но и наша Система созвездий не сможет совершенствоваться. Я ведь свой человек в Цзиньцзяне, никуда ничего не проболтаю, что плохого в подсказке?

Система немного помолчала, а затем прошептала:

— Подсказку Хозяин должен найти сам... Пользуясь тем, что он сейчас в лечебной ванне, сходи тайком в его кабинет.

У Фу Цзюньяо загорелись глаза, и он помчался в кабинет. В голове зазвенело — Система начала выдавать оповещения:

— Девы пугающе внимательны. Если захотят, могут выкопать всё: сколько раз ты пил, с кем целовался и сколько раз в месяц предавался утехам. Хозяин, будь осторожен.

Фу Цзюньяо вдруг остановился:

— Почему твой голос больше не звучит как электронный? И кажется... знакомым.

Система явно не ожидала такого вопроса и замешкалась, но не стала менять голос, а ответила тем же тоном:

— Это искусственный интеллект, голос можно настроить как угодно.

Фу Цзюньяо не стал ломать голову, пробормотал что-то вроде о прогрессе технологий и прокрался в кабинет Чэн Цзинсюаня.

После разорения семьи у Чэн Цзинсюаня больше не было кабинета. Но всё же, как у выходца из учёной семьи, у него должно было быть место для чтения. Слуге пришлось прибрать кладовку: одну половину оставили под хлам, во второй поставили стол, тушь, кисти и несколько жалких старых книг.

Это крошечное пространство, охватываемое одним взглядом, казалось двумя мирами: с одной стороны — блестящее прошлое Чэн Цзинсюаня, с другой — его нынешняя нищета.

Вероятно, из-за влияния Системы эмпатии Фу Цзюньяо каждый раз испытывал здесь щемящую грусть. Он тряхнул головой, отгоняя лишние чувства, и вошёл внутрь.

Он помнил, что этому столу уже больше десяти лет. Одна ножка была подгрызена мышами, и стол шатался, поэтому Чэн Цзинсюань подкладывал старые книги. Из-за этого на каждой книге остался глубокий след от ножки, но сегодня всё выглядело подозрительно аккуратно.

Он с сомнением приподнял стол и вытащил книги, служившие подпорками. На первой книге отпечаток был, на второй — гораздо бледнее, а на третьей его не было вовсе, и она была заметно толще остальных.

Фу Цзюньяо принялся лихорадочно листать страницы и нашёл несколько аккуратно сложенных белых листов. Запомнив страницу, он открыл первый лист.

Это был изумительный портрет: пожилой мужчина лет сорока-пятидесяти стоял во дворе, левая рука за спиной, в правой — слегка скрученная старая книга. Голова чуть наклонена влево, взгляд устремлён в книгу. Образ учёного мужа словно оживал на бумаге.

На человеке был тёмно-синий чиновничий халат, на груди — вышивка с диким гусем, символизирующая четвёртый ранг. Он сразу узнал его — это был отец Чэн Цзинсюаня, префект Суйчжоу, Чэн Цзянь.

У Фу Цзюньяо перехватило дыхание, и с уст сорвалось: «Дядюшка Чэн». В голове всплыло воспоминание, которое не принадлежало ему, но было до боли знакомым.

Тогда семилетний Фу Цзюньяо только что потерял родителей. Алчный дядя обманом выманил у него последние деньги и дом, обещая похоронить родителей. Загнанный в тупик, он по привычке полез на гору, чтобы пожаловаться родителям. Маленькое тельце спотыкалось на крутых тропах, но на вершине не было никого — лишь два холмика земли с именами родителей. Он не рыдал — в том возрасте дети не понимают, что такое смерть, он был просто растерян.

— А-Яо.

Кто-то звал его?

Маленький Фу Цзюньяо робко обернулся. Тридцатилетний Чэн Цзянь поманил его к себе и тепло улыбнулся:

— Дитя, иди с дядюшкой, больше тебе не придётся скитаться.

«Больше не придётся скитаться» — в этом, наверное, и был смысл слова «дом».

Фу Цзюньяо улыбнулся, но в носу защипало. Следом нахлынуло другое воспоминание.

Зал суда. Старый друг и сокурсник дядюшки Чэна, господин Фэн, в ярости ударил по столу.

Стражники сбили дядюшку Чэна с ног. Клевета, лживые обвинения, давление со стороны господина Фэна — всё это обрушилось на него. Но дядюшка Чэн лишь выпрямил спину и произнёс: «Лучше быть честным призраком, чем бесчестным живым», после чего его дом был конфискован, а сам он скончался от тоски.

Воспоминания переплелись с реальностью. Фу Цзюньяо потрянул головой, чувствуя тяжесть в груди. Образ человека, честного и чистого, как горный ветер, стоял перед глазами. Разве мог такой человек быть коррупционером?

Он открыл второй лист. Извилистый источник, горы, волнующиеся, словно море. Изыщными иероглифами среди гор и вод было указано место — Суйчжоу. Именно туда был назначен префектом Чэн Цзянь.

Третий документ был толще — несколько листов с плотными записями о перевозках по воде за годы службы Чэн Цзяня.

Теперь даже дурак понял бы: Чэн Цзинсюань пытается добиться пересмотра дела отца!

Фу Цзюньяо сел на пол, подпёр голову руками и с тоской пробормотал:

— Дело закрыто, зачем он лезет в эту грязную воду? Лучше бы лечил ноги и берёг себя — это было бы лучшим подарком для дядюшки Чэна.

Система издала «динь», и раздался сухой голос:

— Как говорится, голодная смерть — пустяк, потеря чести — великая беда. Отец оклеветан, долг сына — добиться правды. Как он может бояться грязной воды?

Фу Цзюньяо закатил глаза:

— Эй, Искусственный Интеллект, где ты нахватался этих древних поучений? Это же Система тестирования, виртуальный мир, к чему такая серьёзность?

— Хозяин, ваши мысли опасны. Этот мир виртуален, но чувства в нём реальны. Если вы будете смотреть на всё со стороны, задание провалится. Вы забыли, что ваша цель — помочь представителю Девы возродить семью и стать его возлюбленным?

Фу Цзюньяо вздрогнул:

— Точно! Совсем забыл, что это двойная система — и сюжет, и романтика. Я всё думал об уровне симпатии, а сюжет забросил. Хорошо, что Чэн Цзинсюань не сдаётся. Нет, я должен немедленно ему помочь!

— Нельзя! — рывкнула Система, и голос сменился на молодой и бодрый: — Девы очень своенравны, всё держат в себе. Если ты пойдёшь к нему напрямую, он ни за что не примет

помощи.

Фу Цзюньяо подумал, что у этого ИИ слишком много голосов:

— И что мне делать?

Система кашлянула и вернулась к электронному тону:

— Тогда...

— Честно говоря, я не знаю. Я лишь Система, выдающая задания, как их выполнять — решать самому Хозяину.

— ... — Фу Цзюньяо захотел выбросить этот браслет подальше.

Время шло. Он вернул всё на место и тихо выбрался из кабинета, как раз вовремя, чтобы увидеть Чэн Цзинсюаня с удочкой.

— Снова на рыбалку? Поел?

— Мгм. — Чэн Цзинсюань остановился и, неловко отвернувшись, добавил: — Еда на плите, подогрей.

Фу Цзюньяо опустил рукава, засученные во время приготовления лекарства, и небрежно бросил:

— Я поел, пока варил отвар, оставь для Сяо Ли.

Чэн Цзинсюань изменился в лице и молча зашагал вперёд:

— Она и так была для Сяо Ли.

Оставил и оставил, чего злиться-то?

Фу Цзюньяо почесал затылок и поспешил следом:

— Я пойду с тобой, порыбачу.

— Не нужно.

— Да брось, чего ты стесняешься. — Фу Цзюньяо протянул руку, пытаясь отобрать удочку, но

тот не выпустил.

Парень сильный, а я и не верил.

Фу Цзюньяо приложил больше усилий, но удочка не шелохнулась. Он нашёл выход: метнулся в сторону и выхватил сумку с наживкой, висевшую на плече Чэн Цзинсюаня. Зная, что тот брезглив и не станет отнимать её обратно, он с победным видом повесил её на себя и зашагал впереди, иногда оглядываясь. Чэн Цзинсюань шёл с таким выражением лица, будто у него была «фобия на идиотов».

Суйчжоу был окружён горами, источников было мало, и все жили за счёт воды с горы Лунцюань — только там и можно было рыбачить. Путь был тяжёлым даже для здорового человека, а у Чэн Цзинсюаня ещё не зажили ноги. Фу Цзюньяо хотел было поддержать его, но тот отстранился.

Фу Цзюньяо остановился и, растирая ноги, сказал:

— Дорога такая тяжёлая, я больше не могу, поддержи-ка меня.

Чэн Цзинсюань замер, пристально глядя на него — его взгляд был острым, как у орла, отчего становилось не по себе.

Но Фу Цзюньяо был мастером бесстыдства. Раз уж начал играть, то надо идти до конца:

— Что, господин хочет переправиться через реку и сжечь мост? Когда ты был ранен, я о тебе заботился, а теперь, когда роли поменялись, ты даже руку подать не хочешь?

Чэн Цзинсюань молча смотрел на него. Фу Цзюньяо знал: победит тот, у кого толще кожа. Он задрал голову к небу, стараясь выглядеть естественно. В конце концов Чэн Цзинсюань сдался, подошёл и взял его за руку.

— Вот это другое дело! — Фу Цзюньяо, окончательно осмелев, начал качать права.

Чэн Цзинсюань бросил на него косой взгляд:

— Ещё слово — и я тебя отнесу обратно.

Фу Цзюньяо вспомнил, как тот «выставил» его из комнаты, и благоразумно замолчал.

<http://bllate.org/book/20359/2035413>